

*Памяти отца –
Марка Хаимовича Алешковского –
исследователя древнерусских летописей
и археолога*

Быть или не быть — таков вопрос;
Что благородней духом — покоряться
Працам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть —
И только; и сказать, что сном кончаешь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, —
Вот что сбивает нас, вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумленье века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей медливость,
Заносчивость властей и оскорбления,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом?

В.Шекспир. «Гамлет». Пер. М.Лозинского

Часть первая

Город

1

Весь вечер и весь следующий день Иван Сергеевич Мальцов пытался дозвониться до Нины, но та не отвечала, потом просто отключила мобильный. Вечером он еще крепился, но к концу второго дня не выдержал, сбегал в магазин, купил две бутылки водки.

— В спину и в сердце, два кинжала, два, — бормотал он, допивая первую.

В сердце ударила Нина, сбежавшая вчера к Виктору Калюжному, археологу новой формации. Последние год-полтора она громко восхищалась финансовыми успехами Калюжного — тот часто навещался в их экспедицию, вроде из чисто научного интереса. Десять лет назад Виктор защитил слабую кандидатскую в Тверском университете. Иван Сергеевич выступал на защите оппонентом и поддержал-пожалел, выдал аванс молодому человеку, но парень не оправдал надежд. Получив диплом и некий вес в провинциальном ученом сообществе, Калюжный сразу же переключился на поиски денег для раскопок. Экспедиция его заработала как часы, землю лопатили кубическими метрами, но наукой там и не пахло, о науке новоиспеченный кандидат больше не вспоминал. Виктор вызывал теперь у Мальцова брезгливое отвращение.

ОАО Калужного «Вебрь» копало всё подряд: тепловоды газовщикам, шурфы при строительстве водопровода в области – всё, за что хорошо платили. Работали на откате, а потому с заказчиками всегда был полный альянс. «Вебрь» паразитировал на всемирном археологическом законе: без заключения специалистов строить на земле, под которой лежит культурный слой города или даже маленького поселения, нельзя – котлован уничтожит бесценные остатки прошлой жизни. По закону от общей сметы небольшой процент выделялся ученым, работы могли начаться только когда слой был раскопан экспедицией до материка. Крохи от огромных проектов складывались в весьма приличные суммы – Калужный и подобные ему «археологи» процветали.

Вчера утром, пока Мальцов в музее выслушивал директорский приговор, с женой связалась Светка-секретарша, ее подруга, и всё рассказала. Нина решительно собрала вещи и удрала в Тверь, откуда была родом. Потом уже позвонила, коротко и резко простилась, обрезала его вопросы, сказала, что навсегда, что требует развод.

Второй удар нанес Маничкин, бывший одноклассник, преуспевший в школе по комсомольской линии, отучившийся в Твери на эколога. Он поработал в Деревске в Горзелентресте, а когда трест лопнул, перебивался несколько лет шабашками, составлял для городских властей планы озеленения и ратовал за возрождение в районе старинных усадебных парков. В начале девяностых Маничкин стал директором деревского городского музея-заповедника, созданного благодаря обстоятельному письму-прошению в верха самого великого академика Лихачева, бескорыстно любившего их древний город.

Впервые Деревск упоминался в письменных источниках в связи со святым Ефремом, основателем

первого на Руси Борисоглебского монастыря в первой трети одиннадцатого века. Житие святого сохранилось в поздней редакции, что отмечал еще Ключевский, но из него становится ясно, что Ефрем служил конюшим у князя Бориса, убиенного в 1015 году на реке Альте в первой и одной из самых драматических братоубийственных междоусобиц, что позднее стали обычными на Руси. Вместе с князем Борисом погиб и брат Ефрема – дружинник Георгий Угрин. Братья были из венгров (отсюда и прозвище-фамилия), житие приписывает им высокое боярское происхождение. Третий брат – Моисей Угрин – немедленно удалился в Киево-Печерскую лавру, где принял постриг и скончал свои дни, тогда как Ефрем отправился на реку Альту, на берегу которой чудесным образом обрел отрубленную голову брата-дружинника, и вместе с этой реликвией подался подальше из Киевской земли в Верхневолжье. Там, на глухих берегах реки Деревы, по свидетельству жития, он заложил «церковь каменну» во имя страстотерпцев Бориса и Глеба. Как особо отмечает житие, святой Ефрем так дорожил головой брата, что всегда держал ее в своей келье, а перед смертью, «вырубив себе гроб каменный», завещал похоронить себя вместе с ней. Рака святого, мощи коего были обретены иеромонахом Юрьева монастыря только в шестнадцатом веке, находится в соборе, построенном через много лет после смерти Ефрема. Первый каменный собор в монастыре построили в двенадцатом веке, но и он не сохранился. В восемнадцатом столетии ветхое здание снесли, великий архитектор-классицист Барсов возвел на его месте огромную желтую гаргарину с четырьмя портиками и рядами толстых уродливых колонн, куда и перенесли драгоценные останки святого. Большевики после революции вскрыли раку, ища там по своей безграмотности драгоценности,

но не нашли ни тела святого, ни головы Георгия, ни запрятанных сокровищ.

Мальцов знал: крестоносцы в Палестине, почитая мощи погибших в битвах с неверными родственников, заказывали специальные серебряные ковчежцы для останков, в них заключали кости рук и черепа и, возвратившись в фамильные замки, благоговейно хранили мумифицированные реликвии в алтарях домовых капелл как свидетельства героических подвигов во имя Христова представителей своего славного рода. Многие монахи-воины держали такие ковчежцы в кельях наряду с крестом и писанием — обычай проживать с останками родственника не казался им странным. Эта удивительная деталь жития, не встречаемая более ни в одном жизнеописании русского святого, единственная, казалось, сохранилась не переиначенной поздними составителями, указывая на сильную устную традицию, не умирающую и сегодня в нашей церкви. Остальные нестыковки объяснялись исследователями поздним текстом: составитель жития трепетно собрал все легенды и записал их, как смог. К шестнадцатому веку реальная история забылась, события перемешались, сохранилась лишь память о страшном убийстве первых князей-мучеников, погибших от руки Святополка Окаянного. Летописец взвалил всю вину на него, заклеив навечно уничижительным прозвищем. Из всей истории вытекало лишь то, что Деревск напрямую связан со святым Ефремом и является одним из древнейших домонгольских городов на Руси. Это делало город вожделенным объектом исследований для археологов и музейщиков.

Отец-основатель музея Пимен Калистов — краевед и подвижник — слепил его из четырех мелких коллекций районного масштаба, находок археологической экспедиции уже работавшего здесь Маль-

цова и собрания старых книг и рукописей, принадлежавших ранее Ефремовскому монастырю. Первый директор добился небывалого прямого федерального подчинения, минуя областную Тверь, пригласил к сотрудничеству питерских этнографов и ученых из Пушкинского Дома. Экспедиции прочесали прилегающие районы и набили фонды разноцветной крестьянской одеждой: сарафаньем, рубахами навыпуск, обложенными речным жемчугом киками и вышитыми крестиком рушниками с петухами и барынями, а еще зеленым городским стеклом и серийным кузнецовским фарфором, обливными чугунами и ухватками к ним, самопрялками, рубелями, самоварами, купеческой мебелишкой, костлявыми скелетами барских экипажей, хитро гнутыми саночками с приклепаннными по бокам жестяными силуэтами голубых лебедей, подпотолочными лампами-трехклинками и прикроватными фарфоровыми светильниками с дутыми бочками и цветными абажурами, ригельными замками, кованым ломом, целым выводком грубо окрашенных резных статуэток местночтимого святого, выразительно застывшего на вбитых в стену костылях в вечном летаргическом деревянном сне, поздними деревенскими иконами и староверским литьем. Из далекого барского поместья привезли на грузовике двух чугунных львов, мелкорослых и пучеглазых, с орлиными когтями и курчавыми гривами, установили их на постаменты перед центральным входом, обозначив этими традиционными постовыми место пристанища старых вещей.

Каллистов развернул дело правильно, но на взлете карьеры погиб в автомобильной катастрофе. Мальцов работал у него научным консультантом, потом замом по научной части, счастливо и упорно исследовал город, писал статейки и отчеты, ездил на конференции и в ус не дул. Женился, пожил пять